Александр Арсаньев

Первое дело Карозины

Александр Арсаньев

Первое дело Карозиных

Серия «Катенька Карозина», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167121

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 17
ГЛАВА 4 23
ГЛАВА 5 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Александр Арсаньев
Первое дело Карозиных

ГЛАВА 1

– Никита Сергеевич, душа моя!

Голос супруги вывел профессора Карозина из послеполуденной дремы.

– Что, ангел мой? – встрепенулся он.

– К которому часу сегодня будет Аверин? Надобно Груне насчет ужина распорядиться.

Катерина Дмитриевна обняла мужа и прикоснулась губами к его свежевыбритой щеке.

– Право, Катенька, тебе совершенно незачем обременять меня этими вопросами. Ты же знаешь, что Аверин всегда приходит к нам по вторникам к семи часам. Стало быть, ужин подавать надо соответственно.

Катенька весело рассмеялась на добродушное ворчание мужа. Никита Сергеевич терпеть не мог хозяйственных забот и, женившись три года назад, с радостью передал все управление домом своей молодой и дотошной супруге.

– Ну не сердись, Никитушка, – увещевающим тоном проговорила она, все так же продолжая обнимать мужа. – Просто я слыхала, что случилась какая-то история у сестры Аверина, вот и подумала, что он может сегодня переменить время визита.

– Что за история? – поинтересовался профессор.

– Точно не знаю. У нашей Груни свояк служит у генерала Соловца, вот я и слыхала, как Груня пересказывала горничной, что у барыни-генеральши пропали какие-то драгоценности.

– Катенька, – укоризненно протянул Карозин. – Сколько тебе повторять, что прислуга вечно судачит о господах, а тебе не стоит слушать всякие глупости!

– И вовсе не глупости! – вскинулась Катенька. – Ты не прав, Никита, и изволь извиниться!

Видя, что супруга не на шутку обиделась на такой пустяк, Никита Сергеевич почел за благо примирительно похлопать жену по руке и проговорил:

– Ну не стоит так сердиться, ангел мой! Право, не стоит. Я вовсе не хотел ничего плохого сказать о тебе. Просто ты слишком впечатлительная, – и чтобы уйти от беспокойной темы, профессор спросил:

– Так что там с ужином?

– Ах, да, Груня пирог с сомятиной затевает, масленица все-таки, вот и спрашивала, на сколько человек ей стряпать.

– С сомятиной пирог, это хорошо, – Никита Сергеевич, любивший плотно покушать, мечтательно прикрыл глаза. – Ну ты сама знаешь, сколько нужно, но пусть немного побольше будет. Аверин тоже имеет слабость к Груниным пирогам.

– Ну вот и славно! – Катенька порывисто умчалась, шурша юбками. Ей очень нравилась роль хозяйки и супруги профессора.

Никита Сергеевич снова погрузился в приятное раздумье. Он унесся мысленно в прошлое, когда впервые увидел свою будущую супругу. Карозин тогда приехал погостить в имение своего университетского приятеля Аверина, а тот затащил Никиту Сергеевича к своим соседям, со старшей дочерью которых имел роман, обещающий закончиться непременной свадьбой.

Карозин страшно сопротивлялся визиту, так как был нелюдим и не жаловал шумные сборища, особливо докучало ему присутствие сельских барышень, очень часто не умных

и жеманных сверх всякой меры. К тому же ему, как человеку абсолютно городскому, были вовсе не интересны разговоры о видах на урожай и ценах на лес, которых, как ожидал Карозин, не удастся избежать с главой семейства Дмитрием Аркадиевичем Бекетовым.

Однако Аверин был настойчив и сумел уговорить Никиту Сергеевича. Противу ожиданий, Карозин был приятно разочарован. Бекетов оказался вовсе не похож на созданный Карозиным в своих мыслях портрет русского помещика с непременной табакеркой, тупой леностью и привычкой сваливать свое бездарное управление имением на нерадивость мужиков.

Дмитрий Аркадьевич был еще не старым человеком, получившим очень неплохое образование и отличавшимся широтой взглядов. Разговор с ним доставил Карозину определенное удовольствие. А знакомство с дочерьми Бекетова – старшей Татьяной и младшей Катериной – просто потрясло Никиту Сергеевича.

Барышни были не только хороши той неподдельной прелестью и свежестью, что свойственна девушкам, выросшим в непосредственной близости к природе, но и умны и вовсе лишены ненавистного Карозину жеманства. Никите Сергеевичу стала вполне понятна увлеченность Аверина Татьяной. Он и сам внезапно поймал себя на мысли, что общество Катеньки Бекетовой доставляет ему странную, никогда ранее не испытанную радость.

Никита Сергеевич был уже зрелым человеком с определенным положением в обществе, и женщин он, само собой разумеется, в своей жизни не чурался. Но никогда еще ни одна женщина не будила в нем таких чувств, какие удалось пробудить Катеньке Бекетовой.

Следующего визита к Бекетовым Карозин уже ожидал с изрядным нетерпением. Пока он еще не дал себе труда подвергнуть новые чувства привычному всестороннему анализу, который как математик всегда производил над собой, поверяя «алгеброй гармонию». Никита Сергеевич просто наслаждался обществом юной Катеньки, которая, похоже, так же не без приятства для себя проводила время в обществе нового знакомца.

Ко времени знакомства с Карозиным Катеньке было уже двадцать лет, и она не без успеха дебютировала на московской «ярмарке невест». Появление младшей барышни Бекетовой не осталось незамеченным, так как Катенька отличалась весьма привлекательной внешностью. У нее была статная фигура с прекрасно развитыми формами, безукоризненная сливочная кожа и роскошная коса цвета спелой пшеницы. К тому же зеленые глаза девушки светились живостью и лукавством, а ее элегантное умение одеваться и поддерживать светскую беседу показывало, что Катенька получила прекрасное воспитание и образование. Здравые суждения девушки показывали собеседникам, что она обладает отменным умом и твердостью характера.

Ко всем этим неоспоримым внешним достоинствам прикладывалось еще и соображение того характера, что будущий муж должен был получить за Катенькой весьма и весьма неплохое приданое. Словом, после своего дебюта девушка получила не одно предложение руки и сердца.

Однако спешить она не собиралась. Папенька не считал нужным торопить свою любимицу с замужеством, а сама Катенька пока не видела для себя подходящего кандидата в будущие спутники жизни. Нельзя сказать, что ей совершенно никто не понравился, но, будучи барышней набожной, она серьезно относилась к браку и не считала возможным доверить свою судьбу минутному порыву.

Собственно эта занятная совокупность порывистости и основательности и пленила так сильно Никиту Сергеевича, что он сделал предложение руки и сердца одновременно с Авериным. Оба предложения были с восторгом приняты как барышнями, так и их отцом, которому новоиспеченные женихи были чрезвычайно симпатичны.

И Карозин и Аверин были людьми солидными, определившимися в жизни, а, следовательно, по разумению Дмитрия Аркадьевича, могли составить счастье его дочерей.

Старшая, Татьяна, была пылко влюблена в своего избранника и мечтала о свадьбе чуть ли не с первой встречи с Авериным. Катенькино же чувство было ровным и покойным, но от этого ничуть не менее сильным. Именно такое чувство и должно было соединять супругов по представлениям Катеньки.

Аверин венчался с Татьяной на Покров, а свадьба Карозина и Катеньки состоялась позже, – во время масленицы. Два дня назад Никита Сергеевич как раз подарил супруге изумрудные серьги в ознаменование третьей годовщины их свадьбы.

Детьми Карозины пока не обзавелись, а вот Аверин, которого дела службы заставляли всю зиму находиться в Москве, страшно скучал по своему годовалому сыну Николушке. Татьяна Дмитриевна, как ни хотелось ей не разлучаться с мужем, все же считала, что должна жить с малышом в деревне. Да и Дмитрий Аркадьевич прихварывал. Вот поэтому, чтобы скоротать вечера, Аверин по четвергам захаживал к своему старинному другу и родственнику на партию бриджа. Играли по маленькой или, чаще всего, просто на интерес.

Катенька любила визиты Аверина, который помимо светских сплетен обязательно приносил письмо от Татьяны. Супруга его писала каждую неделю длиннейшие послания, подробно излагая немудрящие события сельской жизни. Аверин всегда добродушно высмеивал эту привычку жены, веселя своими комментариями Катеньку и Карозина.

Этот четверг так же не стал исключением: Виктор Семонович Аверин явился к семи часам, как всегда подтянутый, выбритый и благоухающий парижским одеколоном. Визитер обменялся рукопожатием с профессором, приложился к ручке его супруги и отпустил дежурный комплимент с такой непринужденной грацией светского льва, что Катенька сочла себя чрезвычайно польщенной, хотя и знала цену подобным словоизлияниям.

Через несколько минут подошел четвертый участник игры, коллега Карозина, Иван Петрович Мальцев, профессор географии и милейший человек. Его добродушное лицо, обрамленное пушистыми бакенбардами, создавало обманчивое впечатление мягкости и покладистости. На самом деле Иван Петрович был грозой студентов, которых на экзамене гонял до седьмого пота. Профессор Мальцев терпеть не мог невежества и искренне полагал обязанностью всякого грамотного человека в совершенстве знать географию.

Воздав должное великолепному пирогу, мастерски приготовленному кухаркой Карозиных, вся честная компания расположилась для игры в бридж. Эта недавно привезенная в первопрестольную карточная забава из-за своей сложности еще не успела получить широкого распространения, но тем не менее весьма увлекла всех трех мужчин и Катеньку. Супруга профессора особенно рьяно рвалась освоить все тонкости игры, так как тщилась доказать мужчинам, что женщины могут преуспеть не только в ведении домашнего хозяйства. Аверин вышучивал за это Катеньку, но не зло, а она упрямо хмурила бровки.

– Виктор Семенович, друг мой, – обратился Мальцев к Аверину. – Что-то ты нынче рассеянный. Эдак мы с тобой вовсе проиграемся дражайшей Катерине Дмитриевне.

– Прости меня, любезный Иван Петрович. У Арины, сестрицы моей, случилась нешуточная пропажа. Вот я задумываюсь.

Катенька кинула победный взгляд на мужа, – дескать, что я тебе говорила? Карозин слегка пожал плечами, как бы оправдываясь, и произнес:

– А что ж ты-то задумываешься, Виктор Семенович? Разве это не дело полиции?

– Так-то оно так, да не совсем.

– Так расскажи нам, в чем там дело, – попросила донельзя заинтригованная Катенька. – Я уже слышала от прислуги что-то об этой истории, но ты-то все можешь доложить из первых рук.

– Что ж, если вам это интересно, извольте, – проговорил Аверин, слегка поморщившись при упоминании о болтливости прислуги, и приступил к рассказу.

Пару дней назад сестра Аверина и супруга генерала Соловца Арина Семеновна собиралась на бал к губернатору и обнаружила, что пропало бриллиантовое колье. Помимо своей огромной стоимости это колье было еще и реликвией семьи Соловец. По приказу Арины слуги перерыли весь дом под присмотром генеральши, но так пропажу и не обнаружили. Расстроенная Арина и разгневанный генерал вызвали полицию.

Доблестные полицейские во главе со своим унтер-офицером Коробкиным прибыли незамедлительно. Однако допрос всей многочисленной прислуги генеральского дома не дал никаких положительных результатов. Дело в том, что за день до обнаружения пропажи Арина Семеновна перебирала свои драгоценности, чтобы определиться с тем, что именно из них более всего подходит к ее новому бальному платью. Ожерелье было на месте.

На следующий же день генеральша навещала своего брата, сам генерал был в отлучке по делам службы, так что в доме находилась лишь прислуга. Чопорный дворецкий Иван Карлович сообщил господину Коробкину, что все слуги собрались на кухне и праздновали именины привратника Мокия. Даже сам Иван Карлович снизошел до этого незамысловатого торжества, поэтому со всей ответственностью заявил, что кроме хозяйкиной горничной Варвары никто не отлучался из людской. Да и сама Варя отсутствовала весьма незначительный промежуток времени, примерно четверть часа.

Слова дворецкого подтвердили все остальные слуги. Подозрение в краже само собой пало на горничную. Унтер-офицер допросил Варю, которая Богом клялась, что ожерелья не брала. Так как повторный опрос слуг показал, что Варя ни в тот день, ни позднее господского дома не покидала, то учинили повторный обыск. Однако ожерелья так и не обнаружили. Следствие во главе с Коробкиным зашло в тупик. Горничную даже не стали забирать в участок и сажать под стражу.

– Так что сестра моя пребывает в весьма подавленном состоянии духа, – заключил свой рассказ Аверин. – Мало того, что пропажа дорогого ожерелья само по себе событие, не способное доставить удовольствие. Так ведь Арине еще и перед свекровью ответ держать. Сестрица моя ведь год целый к генеральской мамаше подлаживалась, чтобы старуха ей фамильные драгоценности предоставила. А теперь, зная характер старой мадам Соловец, бедная Арина места себе не находит. С ней, друзья мои, форменная истерика делается, когда она вспоминает Капитолину Власьевну, чей визит из Санкт-Перетбурга ожидается к Пасхе.

– Да, Виктор Семенович, теперь мне твоя озабоченность понятна, – протянул географ. – Но что ж Коробкин-то так оплошал, а? Неужто ни одной зацепки не обнаружил?

Да полно тебе, Иван Петрович! – отмахнулся Карозин. Когда это наши полицейские отличались большим умом?

– Ну, не скажи, брат, – вступился за честь полиции Аверин. – Не такие уж олухи служат в полиции! Как бы иначе у нас поддерживался порядок?

– И ты туда же, Виктор Семенович! – всплеснул руками Карозин. – Да любой человек, хоть сколько-нибудь знакомый с логическими построениями ума и умеющий анализировать события, в два счета нашел бы Аринино ожерелье!

– Ну да! – ехидно откликнулся Аверин. – Тебя послушать, Никита, так логика, это основа, на коей все зиждется, а ты путем обычных умозаключений запросто отыщешь Аринину пропажу!

– И отыщу! – профессора слегка занесло после рюмки мальвазии. Да и вообще, он всегда ставил логику и анализ на первое место среди всех человеческих знаний и умений. Это был их давний с Авериным спор.

– На что спорим, что ты не сумеешь отыскать ожерелье до приезда Капитолины Власьевны? – подхватил Виктор Семенович.

Это, стало быть, до Пасхи? – уточнил Карозин. – На что хочешь! Я в своих силах уверен!

Все это время Катенька молча переводила заинтересованный взгляд с Аверина на мужа и обратно. С одной стороны, она верила в силы своего мужа и гордилась его умом и решительностью, но, с другой стороны, дело о пропаже ожерелья не представлялось ей настолько простым.

– Хорошо! – азартно воскликнул Аверин. – Как ты понимаешь, здесь дело не в интересе, здесь дело в принципе. Значит, спорить будем на что-нибудь простое! Да хоть на дюжину французского шампанского! Иван Петрович, будь свидетелем нашего пари!

Мальцев лихо разбил сомкнутые руки спорщиков, сам увлеченный не менее их. В душе Иван Петрович не верил в успех затеи Карозина, но удачи ему желал совершенно искренне.

Карточная игра уже никого более не интересовала, так что через некоторое время Аверин с Мальцевым откланялись. Никита Сергеевич напоследок попросил Аверина, чтобы тот устроил ему завтра визит к генеральше. Ведь надобно же и ему осмотреть место преступления и поговорить со всеми свидетелями. Виктор Семенович нисколько не возражал и пообещал всячески содействовать своему другу в его нелегком деле. Хотя и не преминул заметить, что в успех Карозина все едино не верит…

После ухода друзей Никита Сергеевич еще долго пребывал в возбужденном состоянии и, оседлав любимого конька, длинно и немного сумбурно рассуждал вслух о преимуществах аналитического способа мышления перед прочими. Катенька, не сильно вслушиваясь в речи мужа, лишь кивала и поддакивала, мысленно прикидывая, что и сама сумеет помочь супругу. Ведь согласитесь, что женщины с их чутьем и тактом частенько умеют заметить что-нибудь путное там, где мужчина не может найти решительно ничего хоть сколько-нибудь вразумительного.

На утро же положение разительно изменилось. За завтраком Никита Сергеевич был явно не в духе. Катенька недоумевала о причине его расстройства, здраво полагая, что незначительное количество выпитой вчера мужем мальвазии не способно было повергнуть его в столь угнетенное состояние. Стало быть, причина была в другом.

– Никитушка, – ласково обратилась она к мужу. – Что с тобой стряслось?

– Ах, право, Катенька, я нахожусь в полной растерянности, – промямлил удрученный Карозин.

– От чего же?

– Да от этого вчерашнего спора дурацкого! – Никита Сергеевич в сердцах отшвырнул от себя салфетку.

– Позволь, голубчик, чем же не угодил тебе вчерашний спор? – Катенька все еще не могла понять.

– Да я все думаю, для чего мне потребовалось встревать в это безнадежное дело, да еще и спорить с Авериным! Ведь выставлю себя на смех перед всем белым светом. Тот же Мальцев мне потом в университете проходу не даст!

Катенька была ошеломлена:

– Никита! Ты ли это говоришь? Ведь вчера ты был полон уверенности, что запросто распутаешь это пустяковое дело!

– Ах, Катенька, я вчера такого дурака свалял! Ну зачем, скажи на милость, мне потребовалось смеяться над Коробкиным? Что за глупость, право, с моей стороны!

– Никита Сергеевич! Но ведь вчера ты говорил совсем другое, полагая полицейских неумными…

– Бога ради, Катенька, хоть ты не сыпь мне на раны соль! Я и так казню себя за все эти нелепые высказывания! С какой, вообще, стати мне пришло в голову, что я справлюсь с расследованием лучше человека, который посвятил делам подобного рода всю свою жизнь? Что за самомнение меня одолело? Право, мне следует сегодня же объясниться с Авериным,

признать свое поражение и попросить его, Христа ради, не рассказывать никому о моем конфузе!

Карозин был просто безутешен. Катенька вскочила со своего места, подбежала к мужу и порывисто его обняла.

– Никита, милый Никита, ну что за меланхолия тебя одолела! Как ты можешь сомневаться, что у тебя все получится? Мне даже стыдно за тебя! К тому же, я тебе буду всемерно помогать и содействовать в меру моих женских сил! А вдвоем с тобой мы непременно найдем Аринино ожерелье!

В голосе Катерины Дмитриевны было столько уверенности и в своих и в мужниных силах, а в глазах столько огня и решимости, что Карозин приободрился.

– Ты просто ангел, Катенька! – воскликнул он, целуя жену. – Значит, ты считаешь, что мы справимся?

– Ну конечно же! И не смей в этом сомневаться! Сегодня мы поедем к Арине, ты поговоришь с генералом, а я постараюсь свести дружбу с генеральшей и разузнать самые незначительные подробности. Ведь ты сам мне не раз говаривал, что пустяков не бывает, и даже малюсенькая запятая в числе может привести к огромной ошибке, если ее поставить не на то место!

Никита Сергеевич значительно повеселел, у него настолько отлегло от сердца, что он даже смог улыбнуться жене в ответ на ее цитату из его же собственного высказывания. Словом, на лекции профессор Карозин отправился во вполне приличном настроении, правда не без некоторой озабоченности на лице, которая, впрочем, вполне легко объяснялась.

ГЛАВА 2

Во время лекций профессора Карозина все еще одолевали мрачные сомнения, несмотря на заверения Кати, что успех будет полным и всенепременным. Это состояние ума Никиты Сергеевича отразилось на качестве лекций. Хорошо знающие любимого преподавателя студенты недоуменно переглядывались, пытаясь понять, что же так могло выбить его из колеи.

Лишь во время семинара любимец Карозина, подающий блестящие надежды студент Гладышев вывел профессора из несвойственной тому рассеянности тем, что увлек его своими выкладками по теории вероятности в приложении к карточным играм. В то время многие неглупые люди занимали свою голову подобными забавами для ума.

Домой Никита Сергеевич вернулся, практически напрочь забыв о давешнем споре с Авериным. В приятном расположении духа он поздоровался с Катенькой и приступил к обеду, попутно повествуя жене о замечательных идеях Гладышева. Когда обед подходил к концу, и профессор принялся отдавать должное восхитительному десерту, Катенька воспользовалась паузой в потоке мужниных словоизлияний и задала вопрос:

– Никита, друг мой, нам надобно поторопиться, Арина Семеновна прислала сказать, что ждет нас к шести часам. Неловко будет опаздывать в первый раз. Да и Аверин там будет, чтобы представить нас по всем правилам.

Лицо профессора вытянулась так, будто он внезапно подвергся приступу жесточайшей зубной боли. Катерине Дмитриевне стало понятно, что оживление ее мужа объясняется вовсе не уверенность в успехе задуманного дела, а самой обыкновенной забывчивостью. Она испытала некоторые угрызения совести из-за того, что доставила мужу неприятности, но тем не менее твердо продолжила:

– Никита Сергеевич! Ты опять разуверился в своих силах? Ну как же можно! – Катенька укоризненно покачала головой. – Запомни раз и навсегда: у нас все получится! И хватит об этом. Доедай свой десерт, пей кофе и собирайся. Данилыч уже подготовил твой выходной сюртук, а я распорядилась прислать извозчика.

И, чтобы отвлечь профессора от неприятных мыслей, Катерина Дмитриевна пустилась в ничего не значащую болтовню:

– Я поначалу собиралась прогуляться с тобой, погода нынче славная, но потом подумала, что несолидно это как-то – пешком приходить к генералу! Да и опоздать могли бы, что тоже не подобает. Вот и распорядилась насчет извозчика. Ты не возражаешь?

– Что? – встрепенулся погрустневший Карозин. – А, нет-нет, ты же знаешь, я всегда нахожу твои распоряжения весьма разумными.

– Ну вот и славно, – удовлетворенно подвела итог разговору Катенька. – Так я иду одеваться, да и ты поспеши, друг мой.

Дорогой Катерина Дмитриевна всяческими способами пыталась поднять настроение мужа, в который раз повторяя свой план первоначальных действий.

– Как только Аверин нас представит генеральской чете и объявит цель нашего визита, то через некоторое время ты поведешь беседу с Соловцом, а я переключусь на Арину Семеновну; постараюсь все у нее выведать, да и со слугами поговорю. В тот день ведь, когда полицию вызывали, Арина пребывала в страшном расстройстве, вот и могли что-нибудь эдакое упустить.

Карозин только кивал, во всем соглашаясь с женой, но не говорил ни слова. Но постепенно Катенькины слова снова смогли вселить в профессора определенную дозу уверенности. Так что, переступая порог генеральского особняка на Пречистенке, Никита Сергеевич

был полон решимости если и не раскрыть преступление, то, по крайней мере, сделать все возможное для этого.

Благообразный Иван Карлович, дворецкий генерала, уже знакомый Карозиным по рассказу Аверина, доложил о прибытии гостей. Никита Сергеевич и его супруга были препровождены в гостиную, где их ожидали с нетерпением. Аверин приложил все усилия, чтобы встреча была радушной. Виктор Семенович был абсолютно уверен в том, что выиграет пари, поэтому ему казалось недостойным чинить препоны Карозину. Напротив, Аверин считал, что даже при полном его содействии Никите Сергеевичу не удастся найти пропавшее ожерелье.

– Весьма рад, премного о вас наслышан, – генерал приложился к руке Катеньки и обменялся крепким рукопожатием с Карозиным. – Так это вы собираетесь помочь нам разрешить это досадное затруднение?

Арине Семеновне, которая чрезвычайно близко к сердцу принимала кражу, не очень понравилась обтекаемость фразы генерала:

– Бог мой, Данила Филиппович! Ну как ты можешь такое говорить! «Досадное затруднение», видите ли! Никита Сергеевич, любезный друг, после слов моего брата я считаю, что вы наша единственная надежда на возвращение ожерелья до прибытия матушки генерала.

От этих слов Арины Карозин слегка опешил. Он собирался лишь попробовать расследовать это дело, но уж вовсе не мнил себя «единственной надеждой»!

Катенька заметила смущение мужа и не дала ему сказать что-либо по ее мнению неуместное:

– Ну, разумеется, Арина Семеновна, разумеется, вы можете смело положиться на Никиту. Он обязательно отыщет ваше ожерелье!

– Вы возвращаете меня к жизни! – воскликнула генеральша. – Я, знаете ли, совсем сама не своя за эти дни сделалась. Мне так не хватает надежды и утешения.

– Я прекрасно понимаю вас, – Катенька взяла генеральшу за локоток. – Давайте оставим наших мужчин, чтобы они могли обсудить все обстоятельства этого дела, а сами немного поболтаем о разных пустяках, вам же просто необходимо отвлечься.

– Вы правы, дорогая Катерина Дмитриевна, вы совершенно правы! Идемте в малую гостиную, выпьем с вами чаю.

Катенька последовала за генеральшей, послав напоследок ободряющий взгляд мужу. Карозин вздохнул, поняв, что пришла пора отвечать за свои слова, вооружился блокнотом и карандашом и со всей серьезностью приступил к расспросам.

Дамы уютно расположились в малой гостиной за чайным столиком и с удовольствием принялись за ароматный напиток. Катенька для начала сделала несколько комплиментов генеральше по поводу ее вкуса, который проявился в убранстве гостиной, похвалила варенье, а потом перешла к интересующей теме.

– Арина Семеновна, дорогая, простите, что снова затрагиваю болезненную для вас тему, но расскажите мне, чем так ценно это ожерелье? Я просто сгораю от любопытства! Ведь, насколько мне известно, состояние генерала, да и ваше личное весьма велико. И мне не совсем ясно, отчего пропажа одного единственного ожерелья так вас расстроила! По моему разумению, если уж вас так беспокоит предстоящее объяснение с Капитолиной Власьевной, так закажите ювелиру копию, и дело с концом!

– Я нахожу ваши слова весьма разумными для человека несведущего, – ответила генеральша. – Но, видите ли, чтобы изготовить копию этого ожерелья, нужно по крайней мере предоставить ювелиру оригинал хоть на небольшое время. Ведь эта фамильная драгоценность уже около двухсот лет находится в роду Соловцов, и ни у кого не возникало нужды показывать ожерелье для оценки. Слава Богу, дела всегда были настолько хороши, что до продажи драгоценностей дело никогда не доходило. А сейчас, как вы сами изволите знать,

ожерелья нет. Предвижу ваш вопрос о том, почему без оригинала никак нельзя изготовить копию. Дело в том, что подобрать камни нужной огранки и размера и скопировать оправу при определенном мастерстве ювелира было бы можно. И денег мне на это вовсе не жалко, и огласки мы бы сумели избежать. Но вся сложность в том, что с обратной стороны это ожерелье снабжено очень своеобразным клеймом, состоящим из каких-то неизвестных мне символов, а Капитолина Власьевна при всем ее почтенном возрасте обладает весьма острым зрением и сумеет обнаружить малейшую неточность в клейме. Теперь вы понимаете, почему невозможно сделать копию?

– Понимаю, – отозвалась Катенька. – Как жаль, что я не видала ранее вашего ожерелья! Было бы так интересно взглянуть на эту драгоценность!

– Да, там есть на что посмотреть! – сожалеюще вздохнула Арина Семеновна. – Такой вещи более нет ни у кого. Мое ожерелье необычно тем, что застегивается на левом плече. Оно представляет собой как бы змею, обвивающую шею, а застегивается головой, кусающей хвост. И вся змеиная чешуя выложена бриллиантами, а глаза рубиновые. Я ведь как раз заказала себе платье из винного атласа, чтобы надеть вместе с ожерельем. Вообразите Катерина Дмитриевна, как роскошно я бы выглядела! А тут все мои приготовления и мечтания прахом пошли!

– Ах, как я вас понимаю! – сочувственно воскликнула Катенька. – Но как же могло такое произойти, что пропала такая драгоценная вещь? Ведь если на минутку предположить, что к вам в дом забрался обычный грабитель, то он должен был по логике вещей забрать все драгоценности.

– Это меня тоже несколько удивляет, – поддакнула Арина. Шкатулка с моими украшениями не стоит на видном месте, а хранится в ящике комода. И шкатулка, и комод запираются на ключ. Ума не приложу, кто мог украсть именно эту вещь!

– Арина Семеновна, а у кого находятся ключи? – спросила Катенька, чувствуя, что может услышать что-то важное.

– Ключи я держу в спальне в подзеркальном ящике.

– А кто об этом знает?

– Ну, как кто? Я, Данила Филиппович и моя горничная, Варя. Она мне всегда прическу делает, платья подает и драгоценности тоже приносит.

– А вы ей доверяли?

– Боже мой, ну конечно же! Варенька сирота, она с детства со мной, пойти ей некуда, родных в Москве у нее нет, я ей полностью доверяю! Мне даже неловко было, когда Иван Карлович сказал, что только моя Варенька отлучалась. Уж кого-кого, а Варю я никак не могу подозревать. Ну, скажите на милость, Катерина Дмитриевна, куда эта необразованная девушка без знакомств и связей могла подевать мое колье?

– Не скажите, Арина Семеновна, сообщников всегда можно найти!

– Нет, я все-таки не могу думать на Варю, – с сомнением протянула генеральша. – Хотя последние дни после пропажи Варенька как-то изменилась с лица. Но, впрочем, я и сама… – и Арина махнула рукой, не договорив.

– Понимаю вас, дорогая Арина Семеновна, понимаю, как никто другой, – Катенька мягко прикоснулась к руке генеральши. – А нельзя ли мне побеседовать с вашей горничной?

– Отчего же нельзя? Беседуйте, коли считаете, что из этого выйдет толк, – Арина позвонила в колокольчик и обратилась к пошедшей и поклонившейся горничной:

– Варенька, это Катерина Дмитриевна, она с тобой поговорить желает. Ты будь любезна, ответь ей на все вопросы.

– Как прикажете, барыня, – снова поклонилась Варя.

Внешность генеральшиной горничной была достаточно привлекательной: густые темно-каштановые волосы обрамляли свежее миловидное личико с карими глазами и пух-

лыми чувственными губами. Катеньке подумалось, что у такой хорошенькой девушки непременно должны быть кавалеры, и вовсе не обязательно, что среди них не окажется какой-нибудь темной личности.

Арина Семеновна, не желая в сотый раз выслушивать рассказ горничной, с утомленным выражением на красивом холеном лице промолвила, что оставит их ненадолго, и покинула гостиную. Катенька мысленно поздравила себя с удачей, здраво полагая, что наедине горничная может оказаться откровенней.

– Варя, – ласково начала она, – расскажи мне, пожалуйста, все про тот день, когда пропало ожерелье Арины Семеновны.

– А чего рассказывать-то, Катерина Дмитриевна? Я уж сто раз все рассказывала…

Катенька вздохнула, но продолжала настаивать:

– Но я-то ведь ничего не слыхала, так что будь добра, повтори все сызнова.

Варя, опустив глаза, теребила края передника, пребывая, как видно, в сильном смущении. Вдруг она разрыдалась и бросилась на колени перед Катериной Дмитриевной.

– Барыня, голубушка, простите меня Христа ради, я не знала, что все так обернется!.. Да только молчать и скрывать уж сил нет!.. Заступитесь за меня перед хозяйкой!..

– Варя, что с тобой? Встань сейчас же, прекрати плакать и объясни все толком, – Катенька в недоумении пыталась поднять горничную с колен.

Наконец это ей удалось и, усадив плачущую девушку на пустующий стул генеральши, Катенька подала ей стакан воды. Варя приняла воду, отпила немного и, с грехом пополам успокоившись, начала говорить.

– В тот день когда барыня братца своего навещать изволили, Виктора Семеновича, мы все, слуги, значит, собрались в людской, именины привратника Мокия праздновать. Ну, я, стало быть, тоже, звана была…

– Это уже всем известно, Варя, – нетерпеливо перебила девушку Катенька, но, тут же решив, что не надобно пугать и сбивать несчастную, ласково ей улыбнулась. – Я тебя внимательно слушаю.

Горничная вскинула на Катерину Дмитриевну испуганные глаза, как-то судорожно всхлипнула и снова заговорила.

– Ну так Карл Иванович правду сказал, я отлучалась не надолго, – Варя вздохнула, собираясь с духом и выпалила: —Я барыни Арины Семеновны ожерелье в это время отдала!

После этого заявления Варя снова зарыдала. А Катенька мысленно поздравила себя с правильным выводом насчет горничной. Однако, как вскоре пришлось ей убедиться, поздравления эти оказались преждевременными.

– Кому же ты его отдала? – этот вопрос Катенька постаралась задать как можно более мягким голосом, чтобы не вызвать новые потоки слез у Вари.

– У барыни компаньонка есть, Дарья Ивановна, так у нас с ней уговор был, что отдам я ей это клятое ожерелье на время. Она к утру вернуть обещалась!

Катя недоумевала:

– Варя, а что же эта Дарья Ивановна у Арины Семеновны сама не попросила? Ведь ты же говоришь, что она ее компаньонка?

– Так разве ж барыня дала бы? Ни в жисть бы не дала!

– Но как же ты осмелилась?

– Так мы очень дружны с Дарьей Ивановной, она ведь чуть богаче простой служанки, даром что дворянского рода! Арина Семеновна о ней невеликого мнения, из милости лишь привечает, чтоб собственное великодушие ощущать.

Такие слова из уст необразованной горничной несколько поразили Катеньку, но для нее сейчас важнее было узнать, зачем этой самой Дарье Ивановне понадобилось генеральшино ожерелье. Поэтому она и задала следующий вопрос:

– Варенька, любезная, а что же тебе сказала такого Дарья Ивановна, что ты согласилась отдать ожерелье?

– Она мне рассказала, что есть у нее хороший друг художник, который как-то видел нашу барыню в этом самом ожерелье и загорелся написать портрет. Оно и понятно, ведь Арина Семеновна страсть как хороша собой! Так вот барыню-то он разглядел во всех подробностях, а ожерелье – нет. Дарья Ивановна говорила, что художнику этому втемяшилась в голову блажь, что на портрете барыня наша непременно должна быть в этом ожерелье. Он этот портрет потом барыне подарить вознамерился, чтобы внимания к своей персоне добиться. Вот Дарья Ивановна и решила ему помочь, дать разглядеть хорошенько генеральшино ожерелье, а потом на место его положить, чтобы никто ничего не заметил.

Во время своего рассказа горничная перестала плакать и приободрилась, считая, вероятно, что поступок ее, направленный на столь благое дело, не может вызвать осуждения. Но Катенька считала иначе:

– Варя, скажи мне на милость, для чего все-таки нужно было Дарье Ивановне выносить ожерелье из дому, когда она вполне могла представить художника Арине Семеновне, а он мог бы разглядывать ожерелье в присутствии владелицы?

Видимо подобный вопрос возникал в голове у горничной, когда ее уговаривали решиться на этот странный и дикий поступок. Выражение лица девушки снова изменилось:

– Да спрашивала я Дарью Ивановну о том же, так она мне ответила, что художник этот безвестный, барыня его вряд ли согласиться принять, а если и согласится, то он сам не пойдет, так как сюрприз сделать мечтает.

Горничная окончательно умолкла. Катенька некоторое время тоже молчала, пытаясь переварить услышанное. По ее мнению, в подобную чепуху могла поверить лишь очень чувствительная и романтическая натура. Но отчего-то Катеньке казалось, что Варя не врет и на самом деле поверила во все эти бредовые измышления, в которые сама Катенька не верила ни одного мгновения. А еще жена профессора Карозина была абсолютно уверена, что как только генеральша узнает все то, что Варя сейчас рассказала, то несчастной горничной тут же откажут от места. Кате было жаль Вареньку, поэтому она решила повременить с пересказом генеральше всех узнанных обстоятельств, но прежде снова обратилась к горничной:

– Варя, – строго начала Катенька. – Я понимаю, что твой поступок вызван добрыми чувствами, но тем не менее это тебя не оправдывает. Я пока ничего не скажу Арине Семеновне, но ты должна дать мне слово, что никогда больше не станешь брать хозяйских вещей и перестанешь быть такой легковерной. Ведь ясно как Божий день, что Дарья Ивановна тебя обманула!

Горничная, которая в продолжение всей воспитательной речи Катеньки согласно кивала, вдруг вскинулась на защиту генеральшиной компаньонки:

– Не могла меня Дарья Ивановна обмануть, никак не могла! Это вы, Катерина Дмитриевна, на нее напраслину возводите! Она барышня добрая, богобоязненная, мухи не обидит!

Катенька, удивленная таким напором, все же твердости и строгости в голосе не убавила:

– Возможно, что Дарья Ивановна действительно такова, как ты говоришь. Но кто может поручиться, что ее самою не ввели в заблуждение ловкие мошенники?

А вот такой оборот дела явно не приходил в голову неумеренно романтичной горничной. Она тихонько охнула и прикрыла рот ладонью.

– Так что же теперь будет, а? Катерина Дмитриевна, да как же это? Я ведь и сама уже волноваться начала, что Дарья Ивановна до сих пор ожерелья не принесла! Обещалась-то она наутро вернуть!

Видя, что на глаза горничной снова наворачиваются слезы, Катенька поспешила ее утешить:

– Ну-ну, Варя, не спеши горевать! Возможно, что еще не все потеряно. Ты знаешь, где живет Дарья?

– Как не знать, знаю. Я не раз ей от барыни записки носила. Дарья Ивановна с бабушкой живет в маленьком домике на Неглинной.

– Вот и славно, – Катенька успокаивающе погладила руку горничной. – Я завтра же навещу Дарью Ивановну и все разузнаю.

Дай вам Бог, барыня, – поклонилась горничная, – за вашу заботу и доброту. Век не забуду!

В этот момент вернулась генеральша.

– Ну что, Катерина Дмитриевна, узнали ли вы что-то такое, что пропустил этот господин из полиции, как его там? Коробкин!

– Пока рано говорить, но кое-что интересное я все-таки почерпнула. Простите меня, Арина Семеновна, но прежде мне надо поговорить с мужем, это ведь он занялся расследованием. Но думаю, что он сумеет найти ваше ожерелье.

В голосе Катеньки была такая уверенность, что генеральша даже позабыла о своем первоначальном любопытстве и, легким жестом отпустив горничную, принялась снова высказывать своей новой знакомой, какое облегчение она испытывает от такой уверенности. В свою очередь Катерина Дмитриевна заверила генеральшу в напрасности ее волнений и в обязательном успехе расследования. На этом дамы распрощались, весьма довольные друг другом.

Карозин был чрезвычайно рад, когда их с генералом уединение нарушила Катенька. Профессор уже изнемогал от общества генерала, которого беседа давно увела в сторону, нисколько не интересующую Никиту Сергеевича. Генерал был большим любителем орловских рысаков и быстренько перекочевал на своего любимого конька, обрадованный новым слушателем.

Конечно же, Данила Филиппович был не менее супруги расстроен пропажей фамильного ожерелья, но склонен был считать, что все само как-нибудь утрясется. Поэтому, как только брат жены откланялся, сославшись на занятость, генерал завел беседу о лошадях. А бедный Карозин вынужден был все это терпеть, ибо как он ни порывался вернуть разговор в интересующее его русло, ничего у него не вышло. Заставить генерала свернуть с любимой темы было ничуть не проще, чем остановить на всем скаку так им любимого орловского рысака.

Словом, Катенька подоспела вовремя. Она мило улыбнулась генералу и сообщила, что им уже пора откланяться. В ответ тот выразил надежду на продолжения знакомства и повторный визит Карозиных. Катерина Дмитриевна обещалась непременно навещать генеральскую чету, одновременно напомнив генералу, что они с мужем, собственно, расследуют кражу фамильной драгоценности. Данила Филиппович согласно покивал и в своей любезности зашел настолько далеко, что высказался в том духе, что «поиск ожерелья это, конечно, дело наипервейшей важности, но вы, уважаемый Никита Сергеевич, заходите и так просто, навестить старика».

Этот фразой генерал спровоцировал несколько ответных комплиментов со стороны супругов Карозиных, поэтому прощание слегка затянулось.

Сидя в коляске по дороге домой, Катенька обратилась к мужу:

– Никита Сергеевич, ты узнал что-нибудь важное? – она решала дать профессору высказаться первому.

– Нет, ангел мой, – развел руками Карозин. – Была у меня одна идейка, о том, что горничная все-таки виновна, но передала ожерелье сообщникам через окно. Но оказалось, что этот самый господин Коробкин тоже не лыком шит. У него так же была такая версия, и он проверил все окна изнутри и следы вокруг дома. Видишь ли, Катенька, окна в генеральском

доме еще с зимы не отворялись, да и следов в саду, куда выходят окна комнат Арины Семеновны, тоже обнаружено не было. Так что прав был унтер: горничная ни при чем, а дело совершенно безнадежно.

– А вот и нет! – Катенька не смогла сдержать ликования, и в голосе ее помимо желания прорезались горделивые ребяческие нотки. – Горничная очень даже причем, а дело вовсе не безнадежное!

Карозин с изумлением воззрился на жену:

– Извольте объясниться, Катерина Дмитриевна, что вы имеете в виду?

Катенька сияла:

– Варя мне доверилась полностью, пока генеральша отлучалась, так что слушай…

ГЛАВА 3

Профессор Карозин должен был признать после рассказа жены, что ей удалось очень многое разузнать, в отличие от него. Никита Сергеевич уже довольно потирал руки, представляя, как завтра явится к этой самой Дарье Ивановне и потребует у нее вернуть генеральшино ожерелье. Однако Катенька охладила пыл мужа.

– Никита, дозволь, я сначала съезжу к Дарье Ивановне без тебя. Так будет лучше.

– А почему ты так решила?

– Мне многое еще не ясно в этом деле, хочу сначала прояснить все обстоятельства.

– Помилуй Бог, Катенька, что же здесь не ясного? По-моему, эта компаньонка просто мошенница, которая задурила голову бедной горничной, чтобы с ее помощью украсть ожерелье. Ведь вся эта история про художника – такая несусветная чушь, в которую здравомыслящему человеку совершенно невозможно поверить. На подобную глупость могла попасться разве что такая необразованная дурочка, как эта самая горничная Варя!

– История глупая, я с тобой совершенно согласна, – кивнула Катенька. – Но я все-таки верю, что Дарья Ивановна не такая плохая, как может показаться после всего этого. Скорее всего, ее кто-то втянул в это дело.

– Ну и что? – недоумевал Карозин. – Даже если и так, то тем более надо спешить, пока, как я надеюсь, преступники не успели вывезти ожерелье из города.

– Никита Сергеевич, не торопись! Скорее всего, ты просто напугаешь бедную своим прямолинейным напором, а я разузнаю все деликатно. И если ожерелье все еще у Дарьи Ивановны, то сумею ее уговорить вернуть украденную вещь генеральше. Если же она передала ожерелье еще кому-то, то и тогда я не теряю надежды на то, что сумею разговорить ее и все разузнать. К тому же ты завтра с утра занят лекциями в университете, а я свободна целый день! Вот и съезжу.

– Ну, хорошо, поступай как знаешь, – сдался Карозин под напором убедительных аргументов жены. – Только будь, пожалуйста, осторожна!

– Ну, конечно, я буду осторожна, – Катенька улыбнулась мужу, довольная одержанной победой, и обняла его.

Наутро Катерина Дмитриевна позавтракала вместе с мужем, снова выслушала от него порцию наставлений об осторожности и принялась одеваться для визита. Здраво рассудив, что компаньонка генеральши девушка бедная, Катенька выбрала самое скромное из своих платьев. О чем говорить с Дашей, она пока не представляла, но собиралась сориентироваться по ходу дела.

Извозчик быстро привез молодую женщину к маленькому домику Беретовых. Катенька оглядела строение, которое явно нуждалось в ремонте, но было тем не менее довольно милым и аккуратным. Она позвонила в дверь и на вопрос угрюмой пожилой служанки ответила, что является подругой Дарьи Ивановны и приехала повидать Беретовых. Служанка провела Катеньку в гостиную и буркнула, что сейчас доложит барыне.

Те несколько минут, пока Катенька оставалась в одиночестве, дожидаясь хозяйку дома, она употребила на то, чтобы осмотреться. Вся обстановка и убранство были очень старыми, почти ветхими, но при этом в гостиной было чисто и уютно. Чувствовалось, что здесь живет рачительная и экономная хозяйка, которая вскоре и появилась.

Это была пожилая, но еще крепкая женщина, одетая в старомодное строгое платье какого-то невнятного темного цвета. Живые глаза ее на желтоватом лице изборожденном морщинами показались Катеньке заплаканными.

– Добрый день, сударыня, – поздоровалась Катенька. – Прошу простить меня за внезапный визит, но меня к вам привело дело не терпящее отлагательств. Меня зовут Карозина Катерина Дмитриевна.

На лице пожилой дамы отразилось легкое недоумение:

– Здравствуйте, Катерина Дмитриевна. Но прошу извинить меня, я вас что-то не припоминаю.

Молодая женщина улыбнулась со всей теплотой и приветливостью, на которую только была способна:

– Вы и не можете меня припомнить. Мы с вами никогда не встречались раньше.

– Ну тогда позвольте представиться вам, Катерина Дмитриевна: Беретова Пульхерия Андреевна. Но я все-таки не понимаю, чем обязана вашему визиту?

– Видите ли, Пульхерия Андреевна, мне необходимо повидаться с вашей внучкой, Дарьей Ивановной, по весьма важному делу.

– Простите великодушно, – насторожилась хозяйка. – А кто вы Дашеньке?

От Катеньки не укрылась перемена в настроении Пульхерии Андреевны, но она все-таки решила быть откровенной:

– Не буду обманывать вас, сударыня, но мне не довелось лично знать Дарью Ивановну.

– Тогда я тем более не понимаю, для чего вы здесь, – старушка явно начинала сердиться. – Извольте объясниться или уходите.

– Не нужно сердиться, Пульхерия Андреевна, я все сейчас объясню. Дело в том, что я появилась в вашем доме с ведома и по поручению Арины Семеновны Соловец, – тут Катенька слегка покривила душой, но иначе было нельзя, ибо бабушка Дарьи явно гневалась и могла просто выставить докучливую визитершу.

– Дашенька заболела? – встревожилась старушка.

– С чего вы так решили? – не поняла Катенька вопроса. – Ваша внучка уже три дня не появлялась у генеральши.

– Боже мой, какой ужас! – тихо воскликнула старушка, без сил опускаясь на стул. – Это была моя последняя надежда.

– Пульхерия Андреевна, что с вами? – Катенька бросилась к ослабевшей хозяйке. – Где Дарья Ивановна?

– Это я сама хотела бы знать, – сквозь слезы проговорила Пульхерия Андреевна. – Надеялась, что она ночует у Арины Семеновны, как иногда бывало, но сердце не обманешь! Я чуяла, что Дашенька попала в беду!

– Сударыня, объясните мне, Бога ради, что вы знаете о своей внучке, – Катя не понимала, что вызвало столь бурную реакцию.

– Ах, Катерина Дмитриевна, ничего я не знаю! – в сердцах ответила старушка, утирая слезы. – Я уже три дня Дашеньку не видела, она как вечером ушла на свидание со своим женихом, обещавшись скоро вернуться, так все и нет ее! Я надеялась, что она у генеральши задерживается, так вы говорите, что нет ее там!

Катенька была настолько потрясена взрывом горя старой дамы, что поначалу просто растерялась. Но потом сообразила, что Пульхерия Андреевна говорила что-то о Дашином женихе. Нужно было срочно выяснить, кто этот самый жених, и где он живет, так как говорить с Дашиной бабушкой о пропавшем ожерелье Катенька посчитала бессмысленной жестокостью.

Сударыня, – обратилась она к Пульхерии Андреевне. – Успокойтесь пожалуйста, я вас очень прошу, не нужно горевать раньше времени. Я все сделаю, чтобы отыскать вашу внучку. Поверьте, это и в моих интересах. Не нужно отчаиваться, еще не все потеряно. Дарья Ивановна обязательно отыщется, обещаю вам! Только скажите, где искать Дашиного жениха и как его зовут?

Пульхерия Андреевна с трудом взяла себя в руки, отерла глаза платочком и проговорила:

– Дашенькин жених, он поручик, Давыдов Владимир Николаевич, очень приличный молодой человек, и, кажется, сильно влюблен в Дашеньку, – старая дама замолчала, а потом с жаром обратилась к Катеньке: – Сударыня! Я почему-то верю вам, хотя вижу впервые! Поезжайте к поручику, голубушка, он квартирует в Арбатском переулке, может быть, Володенька что-нибудь знает о моей внучке! Поймите, Дашенька – это все, что у меня осталось, в ней вся моя жизнь, найдите ее, Христом Богом вас прошу!

– Право же, вам не следует так умолять меня, – смутилась Катенька. – Я же вам сказала, что я сама заинтересована в поисках вашей внучки. Не расстраивайтесь, как только мне хоть что-то станет известно, я сразу дам вам знать!

– Спасибо вам, голубушка Катерина Дмитриевна, храни вас Бог!

Дамы распрощались, а Катенька поспешила домой. Поначалу она собиралась сразу отправиться к поручику Давыдову, но потом передумала, так как время уже перевалило за полдень, скоро должен был вернуться из университета Никита и, не найдя жены дома, мог разволноваться. Да и, признаться по чести, сама Катенька изрядно проголодалась. Молодая женщина решила, что ко всему прочему стоит поделиться новостями с мужем.

– Вот видишь, Никита Сергеевич, – вместо приветствия Катенька сразу принялась выкладывать супругу свои новости. – Я была права, когда говорила, что с Дарьей Ивановной могла случиться беда. Она пропала из дому. Как ушла в тот вечер к генеральше на встречу с горничной, так и не вернулась до сих пор.

– Что ты говоришь, Катенька! – ахнул Карозин. – Так это дело становится по настоящему опасным. Я советую тебе больше не вмешиваться, а сам немедленно обращусь в полицию! Пусть они сами разбираются!

– Как это сами? – возмутилась молодая женщина. – А как же твой спор, Никитушка? Нет, я не могу отказаться от этого дела и тебе не позволю! Как можно сдаваться, когда у нас в руках все нити? Я сегодня же съезжу к Дашиному жениху и поговорю с ним. Пульхерия Андреевна очень хорошо рекомендует этого поручика Давыдова. Надеюсь, он мне разъяснит, где искать Дарью Ивановну. И ты знаешь, Никита Сергеевич, мне кажется, что Даша сейчас у него. Что-то там не заладилось у нее с этим ожерельем, она боится и прячется у жениха.

Катерина Дмитриевна с победным видом взглянула на мужа, а тот лишь укоризненно покачал головой и проговорил:

– Катенька, ангел мой, ну нельзя же быть таким ребенком! Отчего тебе все люди кажутся порядочными, скажи ты мне на милость? Ведь ты же этого поручика Давыдова в глаза никогда не видела! Ну кто тебе сказал, что он обязательно хороший человек? Будто ты не знаешь, как ловко умеют прикидываться мошенники! А может быть, он и есть самый главный организатор кражи ожерелья?

Но супруга была непреклонной:

– Тем более я должна спешно ехать к нему, спасать Дарью Ивановну! Но я уверена, что этот молодой офицер ни при чем. А если все-таки он виновник кражи, то я сумею ловко у него все выведать!

– Ты, как я вижу, вбила в свою очаровательную головку, что непременно должна сама все расследовать, – недовольно сказал Карозин. – Что ж, я знаю, как ты бываешь упряма, поэтому не стану более пытаться тебя отговаривать, а уж запрещать и подавно не стану. Прошу тебя только об одном, ангел мой, будь осторожна, хорошо? Обещай мне это!

– Конечно же обещаю! – воскликнула Катенька, целуя мужа. – Я буду сама осторожность, честное слово! Да и что может со мной случиться?!

Профессор только покачал головой на такое легкомыслие, но противоречить жене дальше не стал, понимая всю бессмысленность дальнейших уговоров. За три года семейной

жизни он успел убедиться, что рассудительная его супруга всегда добивается намеченной цели, невзирая ни на какие препоны. Это ее качество всегда казалось ему весьма похвальным и заслуживающим уважения, но только не сегодня. Сейчас Никита Сергеевич предпочел бы, чтобы его жена обладала более мягким и робким нравом.

После обеда Катенька переоделась в более интересное платье, чтобы произвести впечатление на поручика. Разумеется, в ее наряде не было ничего вызывающего или слишком смелого, Ведь Катерина Дмитриевна вовсе не собиралась кокетничать с молодым офицером. Ей всего на всего нужно было вызвать у него доверие. Молодая женщина остановила свой выбор на песочном шерстяном платье с отделкой цвета кофе, кофейной же накидке и милой шляпке в тон к остальному наряду. Оглядев себя в зеркало и оставшись вполне довольной, Катенька вышла из дому и на извозчике отправилась в Арбатский переулок.

Двери Катеньке открыл денщик, который тут же провел ее в комнату и доложил поручику о визите незнакомой дамы. Давыдов тут же вышел, поклонился гостье, с любопытством ее оглядел и заговорил:

– Чем обязан вашему появлению в моем скромном жилище, сударыня? Не соблаговолите ли представиться, чтобы я знал, как к вам обращаться?

Внешность молодого офицера понравилась Катеньке. Это был высокий стройный мужчина в ладно сидящем мундире. Открытое лицо его с внимательными темными глазами и твердым ртом под щегольскими усиками обрамлялось аккуратно причесанными темными же волосами.

– Меня зовут Катерина Дмитриевна Карозина, а с вами я заочно знакома через вашу невесту, Дарью Ивановну Беретову.

Катенька решила представиться молодому человеку дальней родственницей Даши, чтобы он чувствовал себя с ней свободнее. Однако при упоминании имени своей невесты, поручик помрачнел лицом:

– Вы, Катерина Дмитриевна, должно быть, не в курсе, что я разорвал нашу с Дарьей Ивановной помолвку еще десять дней назад. И с тех пор не имел возможности ее видеть.

Катенька была потрясена таким сообщением. Она было заподозрила поручика во лжи, но на лице Давыдова было написано такое неподдельное огорчение высказанным фактом, что Катерина Дмитриевна перестала сомневаться в правдивости его слов.

– Но как такое могло произойти? – задала она вопрос поручику. – Я сегодня была у бабушки Дарьи Ивановны, так та совершенно не подозревает о таком обороте дела. Напротив, Пульхерия Андреевна пребывает в полной уверенности, что три дня назад вы встречались с ее внучкой.

– Это неправда! Повторяю вам, сударыня, я не видался с Дашей вот уже десять дней. Понимаю, что как человек благородный должен был поставить в известность Пульхерию Андревну о разрыве наших с Дарьей Ивановной отношений, но вы должны понять, что я не сделал этого, уступая просьбам самой Даши, которую искренне люблю, несмотря ни на что!

Катенька окончательно перестала что-либо понимать.

– Владимир Николаевич, тогда объясните мне на милость, что же заставило вас расторгнуть помолвку с Дарьей Ивановной, если вы ее любите? Может быть, я по родственному сумею вам помочь?

Давыдов с интересом взглянул на молодую женщину и решился:

– Видите ли, Катерина Дмитриевна, я действительно очень люблю Дашу и уверен, что она единственная могла бы составить счастье всей моей жизни. Но, как вы сами знаете, характер у Дарьи Ивановны весьма своеобразный. Она подвержена странным необъяснимым порывам, каким-то романтическим устремлениям. И в тоже время чрезвычайно упряма. Бабушка ее, Пульхерия Андреевна, не раз говаривала мне, что весьма рада тому обстоятельству, что жених ее внучки имеет военный чин. Дескать, обычному, штатскому

человеку, с Дашенькиным темпераментом не совладать. Я, признаться, только посмеивался на эти замечания, пока лично не убедился в их правдивости. Около двух месяцев назад и заметил у Даши появление сильного интереса ко всякого рода мистике и спиритизму. Сам я, как человек здравомыслящий, всегда чурался подобных глупостей, полагая все это занятием для людей праздных и неумных. Поэтому стал подшучивать над свой невестой, пытаясь свести на нет этот ненужный по моему мнению интерес. Однако Даша сердилась и принималась горячо доказывать мне мою неправоту. Я все же не терял надежды, что это ее увлечение скоро пройдет, но мои надежды были тщетными. С каждым днем Даша отдалялась от меня, а однажды призналась, что состоит в тайном обществе, и стала призывать меня вступить туда следом за ней, если я ее люблю. Я, естественно, не собирался никуда вступать, о чем прямо ей и сказал. Я даже потребовал от нее перестать туда ходить и пригрозил, что все расскажу Пульхерии Андреевне. Лицо Даши странно переменилась, какая-то неясная гримаса не то страха, не то боли перекосила его, она принялась уговаривать меня ничего не рассказывать, чтобы не огорчать бабушку, я обещал, сострадая к ней. Но спросил, отчего она сама, понимая, что расстроит своим поведением единственного близкого ей человека, не бросит этих занятий. Даша принялась говорить что-то сумбурное о невозможности нарушить своего предназначения. Признаться, я тогда ничего не понял, да и не вникал особенно, полагая все ее речи горячечным бредом. Мне показалось, что Даша больна и у нее жар. Я проводил ее домой, уговорившись встретиться на другой день и поговорить спокойно. Но наша встреча не принесла ожидаемых мной результатов. Моя невеста все более отдалялась от меня, погружаясь в какие-то странные дела. Мое сердце разрывалось от боли, я видел, что дорогая мне девушка гибнет, что я теряю ее, но ничего не мог с этим поделать. Она более не доверяла мне и отказывалась сообщить о месте, где собирается ее общество. Далее так продолжаться не могло. И вот десять дней назад я в последний раз поговорил с Дашей, использовав последнее средство убеждения – я пригрозил ей разорвать нашу помолвку, надеясь, что ее чувства ко мне позволят ей опомниться. Как оказалось, я зря на это надеялся. Мои слова не произвели на нее никакого впечатления. Она только сказала, что я волен поступать, как сочту нужным, и лишь попросила меня ничего не сообщать Пульхерии Андреевне. Я дал слово чести, что бабушка ее от меня ничего не узнает.

Офицер умолк, а Катенька сидела, словно громом пораженная. Теперь она вовсе не представляла, где искать Дашу, а уж тем более ожерелье генеральши Арины. Кое-как она взяла себя в руки и снова обратилась к Давыдову:

– Владимир Николаевич, а нет ли у вас соображений, где сейчас может находиться Дарья Ивановна?

– Нет, сударыня. Признаться, я корю себя за то, что слишком жестко обошелся с Дашенькой. Видимо, она действительно попала в какую-то скверную историю, и я должен был не рвать с ней свои отношения, а даже наперекор ее воле попытаться ее спасти. В конце-концов, я должен был рассказать все Пульхерии Андреевне!

– Вы не должны себя корить, Владимир Николаевич, – мягко сказала Катенька. – Но я снова обращаюсь к вам с просьбой. Может быть, вы знаете каких-то других знакомых Дарьи Ивановны, у которых ее можно поискать? Поверьте, я искренне сочувствую ее судьбе и постараюсь помочь всеми средствами, коими располагаю.

– Сожалею, но вряд ли я могу сообщить вам что-то новое. Кроме Арины Семеновны Соловец, чьей компаньонкой была Дашенька, я не знаю других ее знакомых. Да их у нее почти и не было до недавнего времени. А вся новая ее жизнь, как я вам уже рассказал, протекала, к сожалению, в тайне от меня, – поручик горько улыбнулся, но потом вдруг в его глазах зажегся огонек какого-то воспоминания. – Постойте, Катерина Дмитриевна! Я, кажется, вспомнил! Три дня назад я видел Дашеньку в театре Сниткина. Тогда я был не уверен, что

это она – слишком быстро она промелькнула за кулисами, но сейчас я совершенно убежден в том, что видел именно ее! Может быть, это вам поможет.

– Спасибо, сударь, – произнесла Катя, вставая. – Мне приятно было с вами познакомиться, несмотря на грустные обстоятельства дела, приведшего меня к вам. Надеюсь, что следующая наша встреча окажется менее печальной. До свидания.

Поручик также попрощался с Катенькой и проводил ее до дверей. Молодая женщина ехала домой и думала, что не таким простым и легким оказалось это дело. Со сколькими уже людьми ей пришлось столкнуться, а до окончания поисков ожерелья теперь, пожалуй, еще дальше, чем в тот момент, когда Катенька впервые узнала о его пропаже.

ГЛАВА 4

Домой Катенька добралась, уже выработав план дальнейших действий. Несмотря на трудности, с которыми ей пришлось столкнуться при расследовании этого дела, она не намерена была отступать. Карозин встретил ее, просто излучая всем своим обликом беспокойство. Катенька обняла мужа и вкратце пересказала ему все, что смогла разузнать. Он немного успокоился, раздумчиво помолчал, а затем заговорил:

– Тебе не кажется, Катенька, что пришла пора все-таки признать наше поражение в этом деле и отступить?

– С чего бы это, Никита Сергеевич? Я решительно не могу увидеть никаких на то причин.

– А вот я вижу таковых сразу несколько. Во-первых, как я уже говорил, это дело становится слишком опасным. Все, что ты мне рассказываешь, выглядит крайне подозрительным, и у меня есть все основания не доверять ни одному из встреченных тобой людей. Особенно меня тревожит это самое тайное общество. А во-вторых, я просто уже себе не представляю, как в столь запутанных обстоятельствах можно найти пропавшее ожерелье. Исходя из вышеизложенного я и пришел к выводу, что дальнейшие попытки расследования будут лишь бессмысленной тратой времени. Все, что я могу сделать, это предоставить господину Коробкину найденный нами сведения. Надеюсь, что теперь ты со мной согласна.

Профессор ни минуты не сомневался в том, что его жена как разумная женщина примет во внимание его доводы и наконец-то отступится от безумной идеи дальнейших поисков. Однако он снова просчитался. Единственный эффект, который произвела его речь на Катеньку, состоял в том, что она упрямо нахмурилась и твердо высказалась:

– Ни под каким видом.

– Что? – растерялся Карозин.

– Я сказала «ни под каким видом», – все так же твердо повторила Катенька.

– Но позволь…

– Никита Сергеевич, – вздохнула она. – Если ты дашь мне возможность высказаться, а себе труд внимательно меня выслушать, то поймешь мою правоту.

– Ну хорошо, – сдался профессор. – Я тебя слушаю, только прикажи подать чаю.

Катерина Дмитриевна ласково улыбнулась мужу, пряча за этой улыбкой победное выражение лица. Она знала, что коль скоро муж станет ее слушать, то убедить его ей не составит никакого труда.

Вскорости чай был подан, и супруги уютно устроились в креслах возле камина. Никита Сергеевич обратил на жену вопрошающий взор, а она приступила к изложению своих соображений.

– Перво-наперво, Никита Сергеевич, я должна напомнить тебе, что, отказавшись сейчас продолжить это дело, ты уронишь свою честь. Тем более что ты проглядел тот немаловажный факт, что наше расследование отнюдь не безнадежно. И потом, я решительно не вижу всех тех опасностей, о которых ты любишь говорить. Пока все те люди, с которыми мне довелось столкнуться, производили на меня впечатление вполне порядочных. Разве что с некоторыми странностями, но кто нынче без таковых?

– Позволь, ангел мой, – прервал жену Карозин. – Я что-то пока не вижу, с чего тебе кажется, что это дело не безнадежно?

– Никита Сергеевич! – укоризненно всплеснула руками Катенька. – Ну где твой хваленый логический подход? Это же ясно, как Божий день! Поручик Давыдов видел Дашу в театре Сниткина за кулисами, значит, этот самый Сниткин или кто-то из его труппы может знать ее. Это первое. А второе – это то, что тайное общество, в котором по словам того же

самого поручика состояла Даша, дает нам ключ к тому человеку, который и стоит за похищением ожерелья. Мне остается только побывать в театре и расспросить актеров. Сегодня же и поеду. Дорогой я видела афишу, у Сниткина дают какой-то водевиль.

Профессору было нечего возразить на все доводы жены, кроме все тех же самых утверждений об опасности, которые, как он уже успел убедиться, не производили на Катеньку решительно никакого впечатления. Никита Сергеевич все еще пребывал в задумчивости, пытаясь найти еще хоть что-нибудь, чтобы умерить следственный пыл супруги, как она снова заговорила:

– Никитушка, мне подумалось, что ты снова должен приложить руку к нашему общему делу.

– Каким образом, душа моя?

– Самым прямым. Мне помнится, что ты какое-то время был накоротке знаком со Сниткиным. Так что сегодня ты меня ему представишь.

– А для чего это тебе нужно?

– То есть как для чего? Вообрази себе, Никита: одно дело если я самолично, никого не зная, зайду за кулисы и заведу расспросы, и совсем другое, если ты меня представишь директору! Я придумаю что-нибудь для продолжения знакомства с ним и ничего не значащими вопросами выведаю все, что мне нужно, и не вызову никаких подозрений.

– Ох, Катенька-Катенька, ты себе вообразить не можешь, сколько раз я уже пожалел об этом пари и о своей несдержанности.

– Отчего ты так говоришь, Никита Сергеевич?

– Оттого, что ты увязла в этом во всем и с каждым днем увязаешь все глубже. А я, который все это затеял, вынужден стоять в стороне и изводить себя беспокойствами.

– Пустое, Никитушка, пустое. Не стоит тебе так переживать. Всякая любящая жена должна разделять заботы своего мужа, а я ведь тебя очень и очень люблю.

С этими словами Катенька поднялась со своего места, приблизилась к мужу и крепко его обняла. Растроганный словами жены, Карозин ласково погладил ее по волосам и поцеловал в лоб.

– Все-таки ты, Катерина Дмитриевна, у меня большая умница и хитрюга! – высказался он, улыбаясь.

– Отчего ты так меня назвал? – Катенька изобразила на своем личике непонимающе-невинное выражение.

– От того, что ежели ты любящая жена, то должна тому же самому мужу повиноваться. Ведь говорится, что «жена да убоится мужа своего!» – Никита Сергеевич с притворно грозным выражением воздел палец к верху.

Катенька засмеялась, скорчив уморительную гримаску:

– Никита Сергеевич, ну какая тебе радость от того, что я тебя бояться стану?

– Да никакой! Это я к слову о твоей хитрости.

– Ну будет тебе уже, будет! Ступай лучше одеваться, поедем в театр! – с этими словами Катенька высвободилась из объятий мужа и, шурша юбками, покинула комнату.

– Вот вам и все послушание! – Карозин комично развел руками. – Данилыч! Одеваться.

Последние слова профессор уже адресовал слуге.

Театр Ефима Аркадиевича Сниткина был весьма модным заведением, где имелся довольно разнообразный репертуар: драмы, комедии, трагедии, водевили. Катенька с мужем попали как раз на один из водевилей. Спектакль был, мягко говоря, не блестящим, а если уж быть совсем честным, то откровенной дрянью. Спасала положение только прима, блистательная Ариадна Любчинская. Ее имя, напечатанное крупными буквами на афише, и было той единственной приманкой, на которую клевала почтеннейшая публика. Госпожа Любчинская вытягивала своей замечательной игрой весь посредственный спектакль.

Даже Карозин, мало что понимающий в театре да и вообще его не любивший, и тот проникся. А Катенька настолько увлеклась, что даже на некоторое время забыла о той цели, что привела ее в театр Сниткина. Игра Ариадны Любчинской, жгучей брюнетки с роскошными формами, была безупречна.

В антракте Катенька напомнила себе и мужу, что им необходимо отыскать Сниткина. Карозин покинул ложу и через некоторое время вернулся с низеньким живым толстячком одетым с некоторой небрежностью, но с претензией на шик. Это и был Ефим Аркадиевич Сниткин, живые глаза которого на холеном пухлом лице, обрамленном седеющими бакенбардами, с неподдельным интересом уставились на Катеньку.

– Ну, Никита, не ожидал! Жену-то какую себе отхватил, а? Красавица, богиня! Позвольте выразить вам искреннее восхищение! – Сниткин приложился к Катенькиной руке, всем своим видом демонстрируя искреннюю очарованность.

– Знакомься, Катенька, это Ефим Аркадиевич Сниткин, мой старинный приятель и директор театра. А это моя супруга, Катерина Дмитриевна.

– Право, Никита, ты свинтус! ну можно ли было скрывать столь прелестную женщину от света! Три года женат, а лучшие друзья не знают! Катерина Дмитриевна, вы впервые в нашем театре? И как вам спектакль?

Сниткин говорил столь быстро и был так возбужден и многословен, что Катенька слегка потерялась, но решила, что это состояние ей сейчас только на руку – проще будет разыграть восторженную почитательницу театра. А Ефим Аркадиевич, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Не говорите, я сам знаю, что спектакль не хорош, но Любчинская!.. – он закатил глаза как бы в полном экстазе. – Богиня! На ней держится все, буквально все! Но капризна, своенравна! Одно слово, примадонна. А ты, Никита, все-таки свинтус! – Сниткин засмеялся каким-то кашляющим смехом, шутейно грозя Карозину пальцем.

Катенька решилась вклиниться в бурный поток директорских словоизлияний, которой, кажется, ничего не заметив, пошел по второму кругу:

– Ефим Аркадиевич, я выражаю вам искренне восхищение вашим театром и теперь непременно стану самой восторженной его поклонницей. Я, знаете ли, выросла в деревне, вдали от столичной жизни, но всегда обожала театр. Мы с сестрой все время устраивали домашние спектакли. Я и сейчас завела уже достаточно знакомств, чтобы возобновить это чудеснейшее времяпрепровождение.

– Дражайшая Катерина Дмитриевна, я восхищен! Если вам требуется какая-либо помощь, то я весь в вашем распоряжении! – Сниткин поклонился.

– Как мило с вашей стороны самому предложить мне помощь! – Катенька изобразила одну из своих самых обворожительных улыбок. – Ведь именно на это я надеялась, когда уговаривала Никиту представить меня вам. Я затеялась подготовить к Пасхе спектакль, но вышло так, что с костюмами меня, вероятно, постигнет полная катастрофа…

– Ни слова более! – прервал ее Сниткин. – Ваши затруднения – это сущая ерунда! Гардероб моего театра полностью в вашем распоряжении. Сейчас уже заканчивается антракт, но после спектакля я представлю вас нашему гардеробмейстеру, он все исполнит в лучшем виде.

– Не знаю, как мне вас благодарить, сударь, вы так любезны, – Катенька смущенно потупилась.

– Не стоит благодарности, Катерина Дмитриевна! Право, мне чрезвычайно приятно сделать для вас такую малость!

Сниткин еще раз поклонился и покинул ложу Карозиных. Катенька довольно улыбнулась и обратилась к мужу:

– Какой забавный этот Сниткин, правда, Никита?

– Ах, Катенька, он такой шумный, что я от него устаю. Прямо мельтешение какое-то перед глазами начинается, право!

– Ну не будь таким суровым, Никита Сергеевич, тебе не к лицу, – Катенька погладила мужа по руке. – Не всем же быть серьезными, надо кому-нибудь и веселить людей.

– Может быть, ты и права, ангел мой, – немного задумчиво протянул профессор. – Давай смотреть, кажется, второе действие начинается.

По окончании спектакля Сниткин, как и обещал, привел с собой театрального гардеробмейстера. Это был худощавый человек среднего роста и возраста, с цепкими внимательными глазами, которой при всей добротности своей одежды производил впечатление какой-то потертости. Ефим Аркадиевич отрекомендовал его как Пыняева Якова Абрамовича. Пыняев сдержанно поклонился, а глаза его словно сняли мерку с новых знакомых.

– Господа и вы, любезная Катерина Дмитриевна, а не поехать ли нам поужинать, чтобы отметить наше знакомство? – Сниткин, в предвкушении согласия уже довольно потирал руки.

Однако Катенька сожалеюще улыбнулась и, разведя руки, проговорила:

– Благодарим за приглашение, Ефим Аркадиевич, но Никите нездоровится, поэтому прошу покорно нас извинить.

Несмотря на отказ, Сниткин нимало не огорчился:

– Ну, нет так нет! Но в следующий раз непременно, обещайте мне!

– Непременно, непременно, Ефим Аркадиевич! – Карозин пожал Сниткину руку, благодарно взглянув на жену, спасшую его от продолжения вечера в компании шумного приятеля.

Когда Сниткин наконец-то распрощался, Катенька обратилась к гардеробмейстеру:

– Уважаемый Яков Абрамыч, господин Сниткин вероятно высказал вам, в чем будет заключаться моя просьба? – получив утвердительный кивок Пыняева, Катенька продолжила. – Но сегодня я вас всем этим утруждать не буду, я пока сама еще не решила, что мне может понадобиться.

– Как вам будет угодно, сударыня, – Пыняев снова поклонился.

– А сейчас я хотела бы обратиться к вам с вопросом довольно деликатного свойства. Видите ли, я дальняя родственница Дарьи Ивановны Беретовой, которая, собственно, и посоветовала мне обратиться в ваш театр по поводу костюмов и реквизита. Поначалу она сама обещалась все уладить, ссылаясь на знакомства, но что-то у нее не заладилось. Обращалась ли она к вам?

– Нет сударыня, дамы с таким именем среди моих знакомых нет, – Пыняев оставался все так же сух в своих ответах.

– Странно, мне казалось, что с подобной просьбой она могла обратиться только к вам. Господин Сниткин тоже ее не знает. Я уверена, что три дня назад Дарья Ивановна была за кулисами вашего театра и обращалась к кому-то с этой просьбой.

– Возможно, если вы опишете мне внешность этой дамы, то я смогу припомнить, с кем она виделась, – Яков Абрамович приосанился и продолжил. – По роду своих занятий я, видите ли, имею столь точный глаз, что без всяких примерок могу определить размеры любой особы и никогда их не забываю. Равно это касается и внешности особ. Так что когда вам понадобятся костюмы, вам стоит только разъяснить мне, что вы хотите получить, и представить особ, для которых вам потребны костюмы. Я тут же подберу нужные вещи.

– Премного благодарна вам, господин Пыняев, – Катенька испытывала прямо противоположные чувства. С одной стороны, ее обрадовало известие о хорошей памяти гардеробмейстера, но, с другой стороны, она-то сама никогда не видела этой самой Дарьи Ивановны. Выход был только один.

– Яков Абрамович, я, в отличие от вас, к сожалению, не обладаю такой хорошей памятью, да и описывать внешность не мастер, но если вас не затруднит, то завтра я навещу вас, имея при себе портрет Дарьи Ивановны, а вы мне скажете, видели ли вы ее.

– Рад буду оказаться вам полезным, сударыня, – Пыняев снова поклонился. – Если вас устроит завтрашний полдень, то приезжайте в театр с портретом. Я сделаю все, что в моих силах.

– Заранее благодарна вам и завтра буду непременно.

Простившись с гардеробмейстером, чета Карозиных отправилась домой. А господин Пыняев задумчиво посмотрел вслед женщине, испытываю легкое беспокойство. Ему казалось странным все, что ему наговорила госпожа Карозина. Но, по здравому размышлению, Яков Абрамович решил не затруднять себя раздумьями на эту тему. Мало ли причуд у благородных господ и, тем более, у благородных дам!

Всю дорогу до дома чета Карозиных провела в молчании. Никита Сергеевич чувствовал некоторое утомление после спектакля и бурного общения со Сниткиным, отличающимся взрывным темпераментом. Катенька же обдумывала, как ей себя завтра вести с бабушкой Дарьи Ивановны. Ведь было бы крайне жестоко сообщать старушке о том, что ее внучка давно запуталась в сетях лжи и обмана. Однако необходимо было придумать благовидный предлог для того, чтобы заполучить Дашин портрет. В конце концов Катенька решила положиться на импровизацию, которая всегда была ее сильной стороной.

На следующий день сразу после завтрака Катенька проводила мужа в университет, а сама отправилась к Пульхерии Андреевне. Старая женщина встретила Катеньку с такой страстной надеждой в глазах, что той стало неловко. Однако дело не терпело отлагательств и, справившись с собой, Катенька заговорила:

– Пульхерия Андреевна, сожалею, что пока не могу ничем вас порадовать, но мне необходима ваша помощь.

– Располагайте мною по своему усмотрения, ведь я искренне заинтересована в том, чтобы моя внучка нашлась как можно быстрее. Хотя я не совсем понимаю, чем еще могу помочь.

– Все очень просто. Я ведь вам уже говорила, что никогда раньше не видела вашу внучку. Поэтому мне довольно трудно расспрашивать людей, так как я не могу даже словесно описать внешность Дарьи Ивановны. Нет ли у вас ее портрета, который вы могли бы дать мне для облегчения поисков?

– Конечно же, есть, я его вам немедленно представлю.

Пульхерия Андреевна ненадолго покинула гостиную и через пару минут вернулась, протягивая Катеньке небольшой портрет в овальной рамке. С него смотрела весьма привлекательная девушка с большими ясными глазами и упрямым ртом. Глядя на нее, легко было поверить во все те обстоятельства, что стали известны Катеньке по ходу поисков ожерелья.

Спрятав портрет в свою сумочку, Катенька попрощалась с Пульхерией Андреевной, снова клятвенно заверив старушку, что будет держать ее в курсе своих поисков. Однако она все же не забыла заметить, чтобы Пульхерия Андреевна не ждала слишком уж быстрых результатов, но и надежды тем не менее не теряла.

Покинув дом Беретовых, Катенька без промедления отправилась в театр на встречу с гардеробмейстером, так как время уже приближалось к полудню.

Яков Абрамович, как и обещался, ждал Катеньку. Он сразу без лишних церемоний принялся внимательно разглядывать портрет и проделывал это настолько долго, что Катенька не выдержала:

– Ну так что же, господин Пыняев, знаете вы эту даму или нет?

– Я ее не знаю, – последовал ответ гардеробмейстера, и Катенька совершенно упала духом. – Но я видел ее несколько дней назад, четыре или пять, не более.

– Где же вы ее видели? – оживилась Катенька.

– Здесь, за кулисами нашего театра.

– А вы уверены, что это была именно она? Ведь вы утверждаете, что не знаете ее.

– Катерина Дмитриевна, осмелюсь вам напомнить, что у меня очень хорошая память, поэтому я уверен, что видел именно эту даму. Она разговаривала с госпожой Любчинской, а потом ушла.

Катеньку чрезвычайно взволновала эта новость:

– Яков Абрамович, а как мне повидать госпожу Любчинскую?

– Сожалею, Катерина Дмитриевна, но ее сейчас нет в театре. Приезжайте перед спектаклем.

– Ах, нет, это уже поздно будет, – отмахнулась Катенька от предложения гардеробмейстера. Вы мне лучше скажите, где госпожа Любчинская квартирует, я нанесу ей визит.

Пыняев был весьма удивлен странным поведением Катеньки, но не подал виду. Он слегка пожал плечами и назвал адрес Любчинской, однако решив про себя, что непременно на всякий случай сообщит примадонне о странном поведении рекомендованной директором дамы.

Несмотря на начавший уже проявляться голод, Катерина Дмитриевна была полна решимости тотчас же ехать к Любчинской. Ей казалось, что завоевать доверие актрисы труда не составит. Катенька знала о том, что все актеры крайне чувствительны к своему таланту и обожают лесть. Таким образом, представлялось вполне логичным назваться страстной поклонницей примадонны и попытаться выспросить у нее все о пропавшей Даше. К сожалению Катеньки, Любчинская оставалась последней ниточкой, которая могла еще привести к пропавшей девушке, а, следовательно, и к ожерелью.

Катенька остановила извозчика, назвала ему адрес и попросила поторопиться, так в скором времени должен был вернуться домой Никита. Молодая женщина совсем не желала давать мужу повода для излишнего беспокойства.

ГЛАВА 5

Подъехав к новому трехэтажному дому, Катенька справилась у привратника и узнала, что квартира актрисы располагается на втором этаже. Она отпустила извозчика и поднялась по скрипучей деревянной лестнице. Дверь открыла опрятная молоденькая горничная.

– Что вам угодно? – спросила она.

– Доложите госпоже Любчинской, что Катерина Дмитриевна Карозина, большая поклонница ее таланта, просит принять.

– Прошу прощения, но барыни нет дома, она гулять изволит, – слегка смущенно ответила горничная, но, заметив раздосадованное выражение лица посетительницы, девушка улыбнулась и предложила: – Да вы пройдите в комнаты, барыня вот-вот должны вернуться, вам долго ждать не придется.

Катенька прошла за любезной горничной в слегка неприбранную комнату и принялась осматриваться. Горничная, извинившись, вышла, а внимание Катеньки привлекло бюро, на котором стоял небольшой прямоугольный поднос с грудой визитных карточек. Молодую женщину не удивило, что визиток было так много, ведь Любчинская была талантливой актрисой и очень красивой женщиной.

Катенька подошла к бюро и стала перебирать визитки, пытаясь найти какое-нибудь знакомое имя, как вдруг ей на глаза попался кусочек картона с совершенно непонятными знаками. Катенька взяла его в руки, чтобы рассмотреть получше. Но тут раздались шаги и голос горничной, сообщавшей хозяйке о дожидающейся гостье.

Катенька едва успела сунуть непонятную визитку в карман, как дверь отворилась и вошла Любчинская.

– Сударыня, кто вы? Потрудитесь объясниться, – в голосе актрисы было легкое любопытство и некоторая доля раздражения.

– О, прошу извинить меня, госпожа Любчинская! – Катеньке удалось весьма удачно использовать свое смущение. – Я Карозина Катерина Дмитриевна. И, верите ли, буквально очарована вашим талантом! Еще ничья игра не доставляла мне столько удовольствия.

Последние слова были произнесены Катенькой с таким жаром, что Любчинская слегка оттаяла. Она самодовольно улыбнулась и проговорила:

– Весьма польщена, однако я все еще не понимаю цели вашего визита.

– Ах, сударыня! Ну какая у меня может быть цель, кроме желания поближе познакомиться с самой талантливой актрисой Москвы! Понимаю, что подобный повод может показаться вам недостаточным для столь бесцеремонного поведения, но Дарья Ивановна говорила мне, что вы не будете сердиться на свою поклонницу.

Катенька была довольна, что так удачно ввернула имя разыскиваемой Даши. Молодая женщина надеялась таким образом перевести разговор на интересующую тему и все подробно выспросить. Однако ее надеждам не удалось сбыться.

– Какая Дарья Ивановна? – глаза Любчинской снова похолодели.

– Дарья Ивановна Беретова. Именно она дала мне ваш адрес. Мы с ней, видите ли, затевали домашний спектакль устроить, да она вдруг куда-то подевалась. Вот я подумала, что, может быть, вы сможете мне чем-то помочь.

– А какое я могу иметь отношение к вашему домашнему спектаклю? – недоуменно откликнулась Любчинская.

– Ах, нет! Не к спектаклю! Я про Дарью Ивановну вас спрашиваю. Возможно, вы знаете, где она может быть?

– А кто вам, сударыня, сказал, что я вообще знаю эту самую Дарью Ивановну? – лицо актрисы напоминало застывшую маску, и лишь в глазах Любчинской Катенька разглядела испуг.

– Как кто? Да она же сама и сказала!

– Поверьте мне, я знать не знаю никакой Дарьи Ивановны! А сейчас потрудитесь меня оставить, я утомлена и собираюсь прилечь.

– Я искренне сочувствую вашему состоянию, сударыня, но осмелюсь настаивать, так как решительно не понимаю, как такое может быть, чтоб вы не знали Дарьи Ивановны! Ведь она мне рассказывала, что вы в некотором роде дружны…

Актриса прервала поток слов Катеньки, едва сдерживая раздражение:

– Госпожа Карозина! Я повторяю, что не имею чести знать эту женщину! Вас, вероятно, ввели в заблуждение, и тогда ваше поведение можно хоть как-то извинить, но продолжать эту утомительную беседу у меня нет ни малейшего желания. Поэтому не смею вас задерживать.

– Право же, госпожа Любчинская, я не имела намерения вас расстроить, – Катенька прижала руки к груди умоляющим жестом. – Дашенька не могла мне лгать, она порядочная девушка! Да и один наш общий знакомый видел вас за кулисами вместе с Дашей совсем недавно! Может быть, вы теперь вспомните?

– С вами с ума сойти можно! Мало ли кто подходил ко мне за кулисами! Вы ведь сами признали, что я не самая худшая актриса, следовательно, и поклонников у меня много. Ну скажите мне на милость, каким образом я должна запомнить всех, кто приходит ко мне за кулисы, чтобы поздравить и выразить свое восхищение?

Дотошная визитерша порядком раздражала Любчинскую, актриса из всех сил пыталась сдержаться и соблюсти приличия, чтобы не показать как тяготит и пугает ее этот разговор. Однако Катенька была не намерена отступать:

– Ну так я вам покажу ее портрет… Как это я сразу не додумалась? Вот, извольте взглянуть. Возможно, теперь вы вспомните Дашеньку.

С этими словами Карозина протянула Любчинской вынутый из сумочки портрет пропавшей девушки. Актрисе ничего не оставалось, как взять его и изобразить внимательное разглядывание. Катенька уже внутренне торжествовала, считая, что теперь-то уж, когда ей удалось припереть упрямую актрису к стенке, та не осмелится отрицать свое знакомство с Дашей. Однако Любчинская использовала время, пока делала вид, что рассматривает портрет, для того, чтобы собраться с духом. Она вернула его Катеньке, отрицательно покачав головой:

– Нет, сударыня, я совершенно уверена, что никогда не встречала изображенную тут девушку, а, следовательно, вы зря теряете время. Я никак не могу быть вам полезна в ваших поисках.

Катенька поняла, что ничего не добьется от Любчинской. Молодой женщине не оставалось ничего другого, как только откланяться.

– Что ж, – разочарованно вздохнула она. – Прошу меня простить и смею надеяться, что вы не будете держать зла за настойчивость на свою преданную поклонницу.

Актрисе достало выдержки любезно улыбнуться Катеньке:

– Ну что вы, сударыня, как можно на вас сердиться, когда вы так искренне озабочены судьбой подруги! Я лишь сожалею, что ничем не могу вам помочь! Прощайте же.

– Все доброго, госпожа Любчинская, – попрощалась Катенька и, не удержавшись от маленькой дозы ехидства, добавила: – Надеюсь, следующая наша встреча выйдет не в пример лучше этой.

Молодая женщина в полном разочаровании покинула комнату актрисы, однако задержалась в передней, когда услышала, как Любчинская зовет свою горничную. Катенька забилась в темный угол между стеной и громоздким шкафом, рассчитывая извлечь хоть какую-

то пользу из подслушанного разговора. Ей повезло, так горничная остановилась в открытых дверях, не заходя в комнату.

– Чего изволите, барыня?

– Во-первых, Поля, больше никогда не приглашай в комнаты визитеров, если ты не знаешь их в лицо, а меня нет дома. Меня могут дожидаться только те, кого я тебя сама укажу. Поняла? – строго сказала актриса.

– Как прикажете, барыня, – тон горничной был весьма виноватым, поэтому следующая реплика Любчинской звучала уже гораздо мягче:

– Сейчас же потрудись подать обед, а к шести часам приготовь мое платье, ну, то самое, ты знаешь, и накидку, мне нужно будет уехать.

– Слушаюсь, барыня.

После того, как горничная скрылась на кухне, Катенька, так никем и не замеченная, покинула свое укрытие. Она тихонько пробралась к выходу, бесшумно отперла дверь и выскользнула из квартиры актрисы.

Она намеревалась побыстрее добраться домой, но, как назло, ей не попадался на глаза ни один свободный извозчик. Катенька кляла себя на чем свет стоит за то, что не велела дождаться себя тому самому, который привез ее к дому Любчинской. Ей уже представлялся неприятный разговор с Никитой, который, конечно же, места себе не находит, не застав жены дома.

С этими невеселыми мыслями молодая женщина со всей возможной скоростью шла домой. Однако тревоги ее были напрасны, так как мужа дома не оказалось. Вместо него Катеньку дожидалась записка, присланная Никитой Сергеевичем, который, пространно извиняясь, сообщал жене о причине своего отсутствия. Профессор Карозин писал, что из Санкт-Петербурга прибыл его коллега Миронич, поэтому на кафедре было устроено внеочередное заседание. Никита Сергеевич просил жену не волноваться о нем, так как собирался после заседания отобедать с Мироничем в ресторане, а затем приватно побеседовать с коллегой и давним другом у того в номере.

Стоит ли говорить, что Катеньку такой вариант устроил как никогда. Она велела Груне подать обед, а, приступив к трапезе, задумалась о том, что же ей удалось узнать за сегодняшний день. Мысли эти никак нельзя было назвать веселыми. Чем глубже погружалась Катенька в расследование, тем больше становилось загадок. Следы главной виновницы пропажи ожерелья запутывались все больше и больше. Единственной зацепкой молодая женщина считала Любчинскую, поэтому была полна решимости проследить вечером за актрисой.

Катеньку несколько пугало это предприятие, она предпочла бы, чтобы ее сопровождал Никита, но за отсутствием мужа отступать была не намерена. Катенька призналась сама себе, что раскопать это дело ее подталкивает вовсе не желание того, чтобы Никита выиграл пари с Мальцевым, которое, право же, по здравому рассуждению она и сама находила довольно дурацким. Нет, ее толкало к расследованию собственное упрямство и азарт, который можно было считать сродни охотничьему.

Молодая женщина готова была все лавры, буде таковые последуют, уступить мужу, оставив себе лишь чувство законной гордости за собственную находчивость и ум. Ее несказанно грела мысль о том, что у нее в кои-то веки появился шанс доказать заносчивым мужчинам, что их убежденность в посредственности ума женщин была весьма далекой от истинного положения вещей.

Допивая чай, Катенька вспомнила о визитке, которую она прихватила из комнаты Любчинской. Находясь в квартире актрисы, она не успела толком разглядеть, что там было написано, но загадочные знаки на кусочке картона заставили ее забрать визитку с собой.

Катенька вынула визитку из кармана и принялась ее внимательно разглядывать. Маленький глянцевый кусочек картона был испещрен по краю загадочными символами и знаками, а в центре на неизвестном Катеньке языке было написано три слова. В том, что это именно слова, Катенька не сомневалась – ведь что еще может быть на визитке, кроме имени ее владельца?

Супруга профессора долго всматривалась в таинственные значки, пытаясь понять их смысл, однако в конце концов отказалась от бесплодных попыток. Либо Катенькиных познаний не хватало, чтобы разгадать надпись, либо этого самого смысла там и в помине не было.

Однако последнее предположение никак не могло быть верным. Катеньке пришло на ум, что бывший Дашенькин жених говорил что-то о тайном обществе, в котором, по ее собственному признанию, состояла его невеста. Вполне вероятно, что эта загадочная визитка имеет самое непосредственное отношение к этому тайному обществу. Катеньке срочно нужен был человек, который мог бы разгадать значение букв и знаков.

И такой человек среди ее знакомых был. Вернее, была – милейшая Анна Антоновна Васильева, вдовая хозяйка литературного салона, не чурающаяся всякого рода спиритизма и магнетических явлений. Анна Антоновна была дальней родственницей Катеньки и горячо любила последнюю за неимением своих детей. Хотя вдове было всего-навсего сорок два года, она относилась к молодой женщине как к дочери. Вот именно к ней Катенька и решила обратиться за разъяснением по поводу визитки.

Супруга профессора взглянула на часы и решила, что вполне успеет нанести визит Анне Антоновне, а затем уж отправится за Любчинской. Исходя из этих обстоятельств, она надела самое неприметное из своих платьев и захватила с собой темную накидку. А для того, чтобы обезопасить себя на случай внезапного возвращения мужа, Катенька оставила записку, что отужинает с Анной Антоновной.

Молодая женщина понимала, что упоминание о вдове Васильевой вряд ли обрадует Никиту Сергеевича, который недолюбливал сию даму как раз за потребовавшийся на данный момент Катеньке интерес к мистике. Но тем не менее, ежели бы Катенька написала про истинную причину, из-за коей собиралась задержаться, гнев мужа был бы весьма серьезным и, что греха таить, вполне обоснованным. Катерина Дмитриевна и сама понимала, что слежка – не самое подходящее занятие для дамы, к тому же по настоящему опасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.